

Минкин и Наше всё: Александру – 75!

Александр Минкин – Журналист с большой буквы, лауреат премии «Золотое перо России» и других.

Он работает в «МК» уже 43 года. Его театральные рецензии и «Письма президенту» стали журналистской классикой, темой множества студенческих курсовых

и дипломных работ, объектом филологических диссертаций.

Но самые важные его публикации – исследования русской классической литературы: про «Вишнёвый сад» и «Чайку» Чехова, про «Евгения Онегина» и «Маленькие трагедии» Пушкина. Минкину повезло сделать удивительные открытия в знаменитых произведениях, которые, казалось, давно изучены вдоль и поперёк. Как это получилось – он и сам толком не знает, говорит, «случайно».

Многих читателей в России и за рубежом удивляет и другое. «МК» – единственная в мире общественно-политическая ежедневная газета, которая рискнула опубликовать эти литературоведческие сочинения огромными объёмами из номера в номер. Например, «Немой Онегин» занял 25 полных полос «МК». Других таких примеров история мировой журналистики не знает. Риск полностью оправдался.

Читатели сразу оценили и полюбили эти работы, которые в том числе ответили на вечный вопрос: может ли журналистика быть искусством? Может!

Сегодня мы публикуем малую часть откликов понимающих людей. Их имена многим хорошо знакомы, а их щедрость и глубина даже близко не похожи на дежурные

юбилейные похвалы; и это тоже редкость. В частности, слова Аллы Боссарт точно обрисовали и работу Минкина, и его натуру:

«Никакого страха и трепета перед авторитетами».

75 – красивая дата, но очень маленькая по сравнению с вечностью, в которую, мы уверены, Александр Минкин вписал свою строку. Редакция «Московского комсомольца» от всей души поздравляет Александра с юбилеем. Ждем новых открытий!

Лучший

С Александром Минкиным лично мы знакомы лет 25, а безлично – лет 40, когда он начал писать блистательные театральные рецензии в разных газетах. Это редкий случай, когда человек – тонкий образованный театральный критик, заодно литературовед, заодно у него блистательная политическая и сатирическая публицистика. Заодно у него несколько сотен писем к президенту; я горд, что способствовал выходу их отдельной книгой.

И вот Саша – уже патриарх благородный, седовласый – ко всему, что сделал, вдруг написал лучший в истории русского литературоведения потрясающий анализ «Евгения Онегина». С чем я могу поздравить как его, так и всех читателей!

Михаил ВЕЛЛЕР, писатель.

Герой

Истинно прекрасная книга Минкина «Немой Онегин». Тот редкий случай, когда настоящая, пылкая, страстная любовь не застит глаза, а огромная исследовательская работа не сушит живое слово.

Минкин фехтует с Набоковым, Лотманом, Белинским, в гневе и ярости расчленяет Дм.Благого – доказывая с текстом в руках,

сколько ими всеми написано белиберды по поводу как Пушкина, так и его героев. Никакого трепета и страха авторитетов. Полное (и справедливое) сознание того, что перед лицом Пушкина все равны. Все – читатели. Кто-то читает бегло, кто-то внимательно, а кто-то пропальвает и просеивает почву вокруг каждого слова, как делает великий огородник Минкин.

Его выпады против прославленных и гениальных комментаторов могут шокировать. Надо вдуматься в текст автора и в огромное количество текстов, на которые он опирается (писем, дневников, воспоминаний). Среди них – замечательная цитата не пушкинского, а нашего современника – Альфреда Шнитке: «Конфликтующие душевные миры примиряются под лучами этого нравственного солнца».

«Немого Онегина» автор назвал романом. Это и есть роман. Со своим острым, отчасти детективным сюжетом, с плотскими, телесными, сильно чувствующими героями, с драмами страстей. В нем много боли и много юмора. В нем много Пушкина, про которого современный исследователь, писатель, критик знает и, что важно, понимает столько, сколько может знать и понять про своего героя человек, родившийся спустя 110 лет после его смерти.

Роман «Немой Онегин» полноправно продолжает традицию филологического романа Тынянова, Шкловского, Сарнова, Битова (который, кстати, Минкина заметил и, в гроб сходя, благословил).

Книга, конечно, большущая. Изобилует повторами и излишними аргументами: автор умирает от желания донести свои открытия, все объяснить всем, даже тем, кто совсем «не создан для блаженства» восприятия великих произведений. Редакторский зуд не давал мне покоя, хотелось сократить и то, и это. Но в то же время я понимаю, как дорога Александру каждая цитируемая строчка, каждый абзац письма, каждый сравнительный анализ, каждый вывод. С каким счастьем он и два, и три раза на разных страницах и в разных главах повторяет гениальные строфы.

В наше время, когда не то что Пушкина или вообще стихов – просто печатного текста больше десяти страниц многие одолеть не в состоянии, – восемь лет писать такую книгу – не о себе, не о придуманном герое, не о приключениях и не о путях России, написать такой филологический роман – геройство.

Алла БОССАРТ, журналист, писатель.

Мудрая и высокая

Я читал оба «Комментария», которые Минкин так обильно цитирует: Набокова и Лотмана. Конечно, это совершенно разные книги. Книга Набокова обращена к американским студентам-троечникам (он их так называл), которые ни хрена не знали, и он им буквально разжевывает каждое слово. Лотман – более глубокий, он рассказывает то, чего мы, считающие себя знатоками, не знаем.

Но книга «Немой Онегин» выше обеих этих книг, потому что она объясняет то, чего не понимал (или о чем никогда не думал) самый умный и интеллигентный читатель.

Особое спасибо за главы об операх Чайковского. Можно посмеяться и над другими операми на сюжеты Пушкина, но про «Онегина» просто гениально. Кое-что украду для себя; давно хочу соорудить эссе про либреттиста Шиловского, а также про Модеста, брата Петра Ильича.

Спасибо! Чудесная книга. Мудрая и высокая!

Александр ЖУРБИН, композитор.

Алгеброй – гармонию

Однажды, наткнувшись в Сети на книгу «Немой Онегин» Александра Минкина, я буквально с первых строк задохнулась, впилась в нее и не оторвалась, пока не дочитала до конца. Я с этим гигантским текстом сроднилась, я читала его и перечитывала – словно ходила на свидание.

Читаешь, например, XXIV главу «Немого Онегина» о чести и верности – и хочется цитировать буквально каждый абзац, каждую строчку. Право же, откройте и прочтите – не по диагонали, а вчитываясь, останавливаясь, откладывая и возвращаясь. Хотя – какое «откладывая» – я читала и сейчас вновь и вновь продолжаю

читать взахлеб. Я, читая, ссорюсь и ругаюсь с автором текста, когда не согласна с ним; я хватаюсь за пушкинский роман, чтобы доказать ему...

Я обмираю, когда он за меня проговаривает то, о чем я молча думала. Когда он выстраивает между собой и пушкинским «романом» прямые личные отношения и приглашает меня участвовать в этом! И боже, как я ему, автору этого текста, завидую! Как я хочу научиться читать вот так, как умеет читать он!

«Пушкин создал бесконечно много: язык! Уже не знают его стихов, помнят какие-то обрывки, фразы, строчки. Но говорят на его языке. Сами того не зная, не сознавая, шутят, как он; юмор у него часто постмодернистский, хулиганский, беспощадный, чёрный. Так пользуются лазером, не вспоминая Прохорова, так пользуются радио, забыв Попова и Маркони...»

Александр Минкин – мой любимый литературовед современности. Я избегаю читать его публицистику, чтобы сохранить свое отношение к нему. Я жалею и берегу это свое к нему отношение. Но когда он выступает с очередным своим литературным исследованием того, что я – вот лично я – обожаю, знаю наизусть, о чем начала думать еще в детстве, впервые прочитав текст, и продолжаю думать по сей день – и вот когда он, строго по классике, медленно и подробно, никуда не спеша, начинает глава за главою разбирать обожаемый мною текст и точно так же, по классике, медленно и никуда не спеша, начинает глава за главою публиковать свое исследование (или когда я внезапно натываюсь на давно опубликованное, но прежде не читанное) – я впиваюсь в этот текст, как в детектив. Я забываю обо всем на свете и читаю, как в детстве, ночь напролет и под одеялом – только не с фонариком, а с телефона, до тех пор, пока телефон не разрядится или не выпадет из уснувших рук. Но на завтра я продолжаю это чтение, не успев продрать глаза...

«Немой Онегин» – мое потрясение. Я «Онегина» учила наизусть в 7-м классе, наперегонки с молодым Юрским, который каждый день

по телевизору читал по главе. А я ему, сидя перед телевизором, «подсказывала слова». И думала, думала, без конца. Как же это упоительно – читать текст, в котором человек движется примерно тем же путем, что и ты, и, одновременно, открывает тебе бездны информации и деталей, тобою упущенных.

Я до «Онегина» точно так же читала книгу Минкина «Нежная душа» – о «Вишнёвом саде» Чехова. Читала, перечитывала; местами – клянусь – плакала (хотя я совершенно не плакса). Потому что есть вещи, которые словно бы бродят у тебя в душе, и надо бы о них подумать поподробнее, да все как-то недосуг; и вот они всё бродят у тебя и бродят, а потом открываешь текст, написанный другим человеком, и понимаешь, что он сделал за тебя так и не сделанную тобой работу. Он ответил на вопросы, которые мучили тебя, он объяснил нюансы, казавшиеся тебе непонятными и требовавшими поисков. Но тебе искать было лень, а ему нет.

И теперь читаешь этот текст со смешанным чувством восхищения и зависти – и еще укоризны себе: «Вот так всегда, вот обязательно найдется кто-то, кому не лень, и кто напишет вместо тебя книгу мечты». Впрочем, и тут лукавство: суть не в том, что ему не лень. Суть в том, что ему было интереснее, чем тебе, и все, что смутно бродило в твоём сознании, в его сознании бродило тоже – но не смутно.

И ты читаешь теперь эту книгу и мечтаешь увидеть спектакль, который был бы поставлен человеком, который это прочел... Мой муж еще в студенческие годы в экспликации к «Чайке» написал: «Чехов двумя фразами закольцевал пьесу. Первая ее реплика: «Отчего вы всегда ходите в черном?» Последняя: «Дело в том, что Константин Гаврилыч застрелился!»

Но мне не ставить тот спектакль никогда. А режиссерам не надо – они оденут всех в шинели и поставят по Чехову спектакль про «отжатие» Крыма... Им про Чехова – про его любовь и боль – неинтересно. Да и не умеют они.

Когда он пишет про литературу, это читать – не оторваться. И

чем длиннее текст – тем дольше удовольствие! Он позволяет мне «вспомнить» давно забытое – не мною даже, а поколениями. Это как секрет сушеной вишни, который когда-то знали, да забыли.

Чехов не символист, не декадент, сообщает читателю Минкин. А я бы прямо добавила: и совершенно без сочувствия, насмешливо относился ко всем видам декадентства и символизма, считая, что эту «бредятину» могут писать километрами любые студенты-недоучки.

«Нежная душа» была напечатана в 2005-м миллионным тиражом и тогда же появилась на сайте «МК». Однако об этом исследовании и важных открытиях нигде не было ни слова – ни в газетах, ни в журналах. Как объяснить гробовое молчание? Как объяснить, что о том же «Немом Онегине» была написана единственная рецензия, да и то спустя три года? Возможно, причина в том, что раньше была культурная среда и обмен информацией внутри нее. Теперь – ни среды, ни информации... Бедное сердце автора!

Но я нескольким близким людям кинула ссылки. И теперь среди тысяч читателей этой вещи – твердо могу сказать – кроме меня есть еще один человек, который читает и перечитывает эту книгу. Этот человек почти вдвое младше меня. А значит, у следующего поколения читателей этот текст тоже находит отклик, и, быть может, кому-то, сегодня совсем юному, этот текст когда-нибудь тоже будет передан, как эстафета.

И пока есть кто-то, кому хочется такое читать, перечитывать и передавать другу – тексты Минкина будут жить. Верю, что очень долго.

Ирина ПАВЛОВА,

художественный руководитель программ Московского международного кинофестиваля.